

Ростислав Андреевич Панов - автор нескольких книг стихов и прозы. Всю свою трудовую жизнь он посвятил журналистике, работая в районной газете "Авангард". Много писал очерков об интересных людях разных профессий. Эти очерки выходили отдельными изданиями. Настоящая работа Р.Панова посвящена жизни и творчеству писателя-земляка Василия Мишенева.

І. Берёзово

В России тысячи и тысячи таких деревенок, еще уцелевших от разных потрясений. Еще в них топят печи и лежанки, когда подступают холода. Еще по вечерам приветливо светятся окошки, зазывая запоздавших путников обогреться и передохнуть, а то и заночевать. Северяне, как никто, по-прежнему приветливы и гостеприимны. Мигом самоварик поставят и щей живительных из печки достанут. С разговорами в душу не лезут. Сам дорожный человек, если пожелает, заводит беседу.

Деревня Березово, о которой пойдет речь, в незапамятные времена поставила свои дома и дворы вдоль тракта Никольск-Шарья. Никольск - районный центр Вологодской области, а Шарья — сейчас крупная железнодорожная станция Костромской области.

Многое повидал на своем веку этот старинный тракт. По нему шли купеческие обозы, артели плотников и землекопов, пробирались через Шарью в Москву или еще куда. Была оживленной дорога и в советские времена. По ней прибывали в район первые машины и трактора, предназначенные для новорожденных колхозов.

Много слез на этой дороге оставили жены и невесты, провожая на фронт мужей и женихов во время Великой Отечественной войны. По ней возвращались домой победители.

Дорога, как живое существо, была неотделима от деревни. Она сроднилась с ней, украсила ее околицу красивыми березовыми рощами. Не отсюда ли и ее название?

Сейчас вблизи деревни нет уже березовых рощ, попали под топор чудесные светлые сосновые боры, зарастают кустарником близлежащие поля. В Березове давно ликвидирована начальная школа. Кому учиться, если перевелись молодые семьи...

* * *

Родным гнездом известного русского поэта Василия Михайловича Мишенева многие считают деревню Березово. Но это не совсем так.

Василий Мишенев появился на свет в деревне Пахомово, что стоит на холмистом месте, а понизу открывается большая луговина. Со

всех сторон к пашенной земле примыкают перелески и ельник с чередой осин и ольхи. И в Пахомове до перестроечных времен кипела жизнь. За околицей в весеннюю пору весело рокотали трактора, прокладывая первую борозду. Над пахотой в тонком розовом мареве струился прогретый воздух, кружились грачи...

Василий родился третьим ребенком, а всего у родителей подрастало семеро детей. Отец, Михаил Андреевич, никак не хотел вступать в колхоз и, чтобы не мозолить глаза местным выдвиженцам, устроился на работу в лесхимартель, которая создавалась на речке Чонове. Здесь начали строить смолокуренный завод. Для работников срубили барак, а для семейных - несколько изб. Одну избу отвели Михаилу Андреевичу, мастеру на все руки. Он превосходно плотничал, столярничал, мог сложить печь, знал лесное хозяйство.

- Мне в эту пору было около полутора лет. Позднее запомнилась зима, ели в пушистом снегу, стоящие над Холодным ключом, тропинка к проруби, куда ходили за водой. На ели и березы иногда безбоязненно садились тетерева, - вспоминал впоследствии будущий поэт.

Уже будучи взрослым, он часто навещал речку Чонову, колыбель своего детства, и посвятил ей стихотворные строки. Давно уже нет на речке смолокуренного завода, и даже не сохранилось остатков строений. Зато здесь грибное приволье. В урожайное лето можно насобирать под завязку белых, ядреных грибов, подберезовиков, груздей. А в потаенных омутах еще не перевелся серебристый хариус.

Когда старшему сыну Михаила Андреевича, Николаю, пришла пора собираться в первый класс начальной школы, семья была вынуждена переехать на постоянное жительство в деревню Березово. Глава семейства купил дом, перестроил его. Отремонтировал двор, завел корову, кормилицу и поилицу ребятишек.

А с огородом дела обстояли неважно. Поскольку отец не являлся колхозником, каждую весну на приусадебном участке появлялся бригадир. Убавлял несколько соток земли, ставил тычку-отметину и виновато говорил: «Далее начальством садить картошку и луку не дозволяется». Бригадир смущенно откланивался и спешил удалиться за калитку. Такая процедура повторялась почти каждый год. В конце-концов за двором осталось лишь пять соток земли, где курице негде порхнуть.

Михаил Андреевич все же сыскал выход. Своей супруге Фаине Николаевне сказал: « Придется заводить огород в лесу, где и мужики из лесопункта завели огороды».

В трех километрах от деревни стали корчевать пни, убирать валежник, распахивать землю.

Проблему с сенокосом решили так: каждое лето всем семейством уходили за десять-двенадцать километров, косили по болотам и лесным чищенкам.

Долгими студенными зимами за задворками избы бился ветер, мела из поля поземка. Хорошо было в это время лежать на печке, укрывшись мягким тулупом, представлять себе, как в лесу бродит серый волк, голодный и одинокий, которого, по правде говоря, становилось жалко. Или почти видеть наяву тетерева, укрывшегося в глубине дремучего ельника. Приходила на печку кошка Мурка, ложилась рядом с мальчиком. Пела однообразную песенку, под которую легко засыпалось.

Наслушавшись сказок от матери, маленький Вася потянулся к детским книжкам. Вначале смотрел разноцветные картинки. Затем захотелось узнать буквы, складывать их в слова и предложения. Помогала мать. В четыре года одолел грамоту.

Начальная школа была устроена не в самой деревне, а где-то посредине между Березовом и другой близлежащей деревней Бродовицей. С началом учебного года пятилетний мальчик поспешно одевался.

- Ты куда? — спрашивала озабоченная мать.

- В школу, - отвечал Вася.

- Так ты еще малехонек. В первый класс тебя не примут.

Но Вася закрывал за собой на крючок калитку и вслед за мальчишками бежал в школу. Входил в класс и садился на порожек. Учительница поняла желание мальчугана: «Садись-ка, дружок, за парту. Будешь у меня внештатным учеником».

Когда Василий уже достиг школьного возраста, его наставник, ветеран войны Иван Павлович Сорокин стал заниматься с Васей индивидуально, поскольку он хорошо читал, знал арифметику.

После окончания начальной школы Василий Мишенев определился в Пермасскую восьмилетку, а потом перешел в Никольскую среднюю школу №2. Здесь проявил себя прилежным и активным учеником.

Когда в 1975 году страна отмечала тридцатилетие со Дня Великой Победы, Василий Мишенев был признан лучшим учеником района. В составе вологодской делегации побывал в Москве, где вместе с другими вологжанами сфотографировался у Знамени Победы. После окончания школы был награжден значком ЦК ВЛКСМ «За отличную учебу».

Как и многие сверстники, Василий Мишенев писал «для себя» стихи. У одних это увлечение со временем заслоняется другими увлечениями или вовсе иссякает. Другие продолжают совершенствовать свое творчество, надеясь достигнуть зрелости. Но из и этих других в поэзии остаются единицы, люди одаренные. Я бы сказал — одухотворенные, озаренные внутренним светом.

Будучи еще учеником девятого класса, Василий Мишенев попробовал напечататься в районной газете. После колебаний и раздумий он принес в редакцию газеты «Авангард» не стихи, а прозу. Мне кажется, это было верное решение. Стихотворцем при желании можно сделаться быстро, а поэтом — нельзя. Муза рождается в муках, в смятении чувств...

Первый опубликованный рассказ Василия Мишенева назывался «Журавли». Потом последовал другой — «Одноухий». Сюжеты для рассказов дала природа, впечатления от общения с нею. Каждый день мы бываем на улице. Частенько спускаемся полевой тропой в сосновый бор, просвеченный мягким августовским солнцем, и не замечаем его красоты. Берем в жаркий полдень на сенокосе ключевой водицы и не видим, что дно водопадика выстлано красной глиной, а на ней белые камушки, как алмазики. Много в своей повседневности опускаем как нечто незначительное и тем самым обедняем себя.

Василий Мишенев умеет быть зорким, отчего и удались его первые рассказы. Они не прошли мимо внимания читателей. Преподаватель городской средней школы №2, где учился Василий Мишенев, ознакомившись с его рассказами, предрек ему удачу в нелегком литературном деле. Ким Петрович Павлов в своем прогнозе не ошибся.

...Березово! Туманным утром рождается за недалгим лесом рассвет. Розовая полоска едва видима глазу. Постепенно ее свет густеет, поднимается над вершинами дремотных елей. Полоска округляется и становится подобна мячику. От него во все стороны

разбегаются лучики, пробуждая ото сна птиц и зверей, поникшую под росой траву, цветы и кусты. Рассвет рождает утро, настраивая на вдохновение. И родной деревеньке, и речке Чонове будут потом посвящены многие стихи. Но это произойдет не скоро. В другой раз и в другой день...

II. ВОЛОГДА.

Сергей Чухин

Как золотые искорки лесного костерка, рассыпались в предутреннем тумане звезды. Пахло сиренью, яблоневым цветом. Досматривал сны деревянный городок, опоясанный полукругом лесной реки Юг. Один за другим гасли освещенные окна школы. Вот уже последние стайки девушек и юношей сошли с крыльца. Одни направлялись домой, а другие еще погулять.

Закончился незабываемый выпускной вечер, который случается один раз в жизни. В 1976 году Василий Мишенев получил аттестат о среднем образовании и предстояло выбрать дорогу в жизни. Его влекла к себе литература, и он подумывал (и не раз) поступить на филологический факультет Вологодского педагогического института. Но получилось иначе: поступил на истфак.

Надо сказать, что вологодский вуз, старейший в области, считался престижным. В его стенах учились не только коренные вологжане, но и уроженцы других регионов. Однако преобладала местная молодежь.

Вологодский пединститут славился своей профессурой, своими питомцами. В свое время в нем учился будущий известный поэт С.В.Викулов, прошедший суровыми дорогами Великой Отечественной войны. Здесь защитил диплом талантливый мастер слова, получивший всесоюзную известность, поэт Александр Романов. Закончили пединститут Виктор Коротаев и Леонид Беляев, друзья и соратники по перу. Честно говоря, вологодский вуз многим заменил Литературный институт имени Горького, что в Москве.

Человек не может жить в замкнутом пространстве, если он человек открытый и простой, любопытный ко всему, что окружает.

Вологда — ровесница Москвы, а сведующие люди утверждают, что она даже старше столицы. В Вологде — замечательный каменный

кремль, Софийский собор. В семидесятые годы нередко на улицах встречались изумительные деревянные особнячки, охраняемые государством, как архитектурные памятники. Музеи. Парки. Домик Петра Первого на берегу реки Вологды. Здание бывшей гимназии. Дом, где окончил свои дни Батюшков, которого Пушкин считал своим учителем.

Много примечательных мест во граде Вологде. И хорошо было знакомиться с ними, чувствуя дыхание истории. Как всякий начинающий поэт, Василий Мишенев не мог обойтись без круга себе подобных. А где найти ребят, пробующих свои силы в поэзии? Конечно же, в редакции молодежной газеты «Вологодский комсомолец». Здесь нередко бывали члены литературного кружка, который вел в Дворце культуры железнодорожников Борис Чулков. Здесь печатались подборки стихов Леонида Патралова, Владимира Пашова и многих других.

Журналисты «Вологодского комсомольца» привечали всех, считая своим долгом помочь выречь таланту. Редакция сочетала в себе одновременно газету и своеобразный литературный клуб. Здесь, в прокуренном кабинете, судьба свела Василия Мишенева с Анатолием Ехаловым, заведующим отделом сельской молодежи. Уже в ту пору Анатолий Константинович считался одним из талантливых журналистов. Он любил бывать в глубинке. Его не пугали бездорожье, отсутствие транспорта и многие неудобства, связанные с дальними поездками. Умел сходитья с людьми, выискивая среди них особого склада мастеров-рукотворцев, что в дальнейшем и определило его тематику как писателя.

В кабинете А.К.Ехалова и состоялось знакомство Василия Мишенева с Сергеем Чухиным.

Сергей Валентинович родился в учительской семье в деревне Бабцино Вологодского района. Он также после окончания десяти классов поступил в Вологодский педагогический институт, затем стал студентом очного отделения Литературного института имени Горького.

Казалось бы, Москва и Никольск далеки друг от друга, и ничто не связывает столицу с городом районного масштаба. Однако, только на первый взгляд. Невидимая ниточка протянулась от великого города к Никольску, связующая два любящих сердца. В Пермасском починке (теперь территория Пермасского поселения) расположилась упоминается

восьмилетняя школа. Здание было срублено из вековых кондовых сосен, вероятнее всего еще в пору земства. Просторная, с большими светлыми окнами, она разительно выделялась среди деревенских построек. К школе примыкали березы, черемухи и рябины. Веселые, шумливые ребята густо заполняли коридоры или ватагами выбегали на крыльцо рассыпать для птиц хлебные крошки. Краснощекие, молодые. Учительница приветливо улыбалась. И среди них была Антонина Дмитриевна, приехавшая сюда по распределению.

Сергей Валентинович и Антонина Дмитриевна крепко дружили, и последний нередко навещался в Никольск. Добраться до него было делом не сложным. Или приехать в Вологду, или в Шарью, а там купить в аэропорту билет на вологодский самолет «Аннушку». Впервые я увидел Сергея Чухина, если не ошибусь, в зимние студенческие каникулы. В морозном пушистом инее, с искренней улыбкой на лице, поздоровался и представил своего спутника: «Это Виктор Смирнов. Поэт!»

Мы долго сидели в тесной комнатенке за печкой. Разговаривали о том, о сем. Под конец Сергей сказал, что собирается поехать в Пермаский починок:

- У меня лыжи припасены. Внизу, в коридорчике оставил. Вслась накатаюсь.

И улыбнулся, оставив на прощанье подборку своих стихов.

Это была первая, но не последняя встреча.

Стояли дни погожей осени, которым, казалось, не будет конца. В полях золотом отливала стерня, и неведомо куда над ней плыли невесомые и хрупкие паутинки. В конце сентября это благолепие неожиданно оборвалось. Пошли морозящие и нудные дожди. Дороги понемногу расклеивались, а во многих местах сделались трудно проезжими. И вот в один из таких дней в редакции объявилась молоденькая учительница из школы-интерната. Спросила меня. И, почему-то слегка смутившись, проговорила: «У Сергея Чухина свадьба. Приглашает Вас и Валерия Есипова приехать в Пермаский починок».

Валерий Есипов появился в Никольске просто случайно. До своего приезда к нам работал на краю света, в сибирском селенье Казачье, что неподалеку от Северного Ледовитого океана. Казачье

в романе Обручева «Земля Санникова». В нашей газете он возглавлял промышленный отдел. Выслушав нас, редактор Вячеслав Михайлович Теканов по неистребимой привычке почесал в затылке: «Ладно уж! Поезжайте! Но меру знайте, чтобы через три дня были на своих рабочих местах».

В сумерках мы добрались на попутной машине в Пермасский починок и угодили прямо за свадебный стол.

Заканчивая это отступление, скажу, что Сергей Чухин еще не раз навеждал Никольск, а творческие пути его и Василия Мишенева пересеклись в Вологде. У Василия Мишенева в 2006 году вышел из печати небольшой сборник «Настроив душу на добро». Он целиком и полностью посвящен Чухину. И заголовок сам за себя говорит. Он взят из стихотворения Чухина:

*Настроив душу на добро,
На чистоту лесной бересты,
Стихи писать вот также просто,
Как птице обронить перо...*

Приведу такой абзац из книги: «Скоро мы подружились с Сергеем и часто встречались. Помню такой случай. В Веденеевской бане работал буфет, где всегда было многолюдно, потому что здесь можно было выпить пива, с которым тогда в Вологде, в отличие от нынешних времен, были проблемы. Буфетчицей работала Мария Александровна. Эта своеобразная, но добрая женщина всегда приветчала знакомых журналистов и писателей. Им она открывала дверь в маленький закуток, приносила пива, и можно было спокойно посидеть с друзьями, поговорить. Если в закутке кто-то из ребят уже сидел, нужно было только постучать условным стуком. Как-то мы сидели со знакомым журналистом из областной газеты. Раздался условный стук. Открыв дверь, увидели улыбающегося Чухина. Он весело поздоровался: «Мне ребята в редакции сказали, что вы ушли сюда, вот и я к вам». Я через несколько минут сочинил экспромт:

*У популярнейшей пивнухи,
Где вечно — жаждущий народ,
Мой давний друг Сережа Чухин
Меня окликнет, позовет.*

Сергей не заставил себя долго ждать:

*Дорогой Василий Мишенев!
Пусть останусь без штанов,
Но последним самым от пивнухи
Уйдет не кто иной, а Чухин».*

Книга Василия Мишенева «Настроив душу на добро...» полна светлой печали о рано ушедшем друге. Его песня оборвалась на полном взлете. Возвращаясь поздним вечером к себе домой, Сергей Чухин по версии был сбит проходящей машиной. Преступник скрылся с места происшествия. Только через несколько дней жена поэта Антонина Дмитриевна опознала в морге своего мужа.

Ушел из жизни большой русский поэт, но как писал Сергей Есенин:

*Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте,
По-осеннему сыпет ветер,
По-осеннему шепчут листья...*

И он пришел, новый поэт, имя которому — Василий Мишенев. Заниматься анализом его творческого почерка — прерогатива литературных критиков. Я лишь скромно замечу, что существует и развивается особая - вологодская школа, берущая начало от поэтов серебряного века, впитавшая все лучшее из их творческого наследия. К современной когорте вологодской школы можно отнести прежде всего Николая Рубцова, Сергея Чухина и Василия Мишенева.

Сергей Чухин был бессеребренником, а в семье подрастала дочь Елена. Семейная жизнь, как известно, течет не без проблем. Всегда требуются деньги на питание, на одежду, или на какие-то хозяйственные расходы. Чтобы подзаработать, Сергей Чухин временами устраивался то на подшипниковый завод токарем, то рабочим в областную типографию, писал обзоры поэзии в областную газету «Вологодский комсомолец». Это уже потом, с публикацией первых сборников, финансовое положение несколько улучшилось.

В студенческие годы и Василий Мишенев испытывал денежные затруднения, не мог обходиться одной мизерной стипендией. Во времена каникул в педагогическом институте формировались студенческие

строительные отряды. В летнюю пору они отправлялись на стройки, в колхозы. Уезжал с ребятами в глубинку и Василий Мишенев, осваивая разные профессии. А уж к сельскому хозяйству ему было не привыкать. Возвращаясь к началу учебы в Вологду, непременно встречался с Чухиным.

«Осенью семьдесят восьмого года я вернулся в Вологду из Тарногского района, где мы, студенты, работали в колхозе. Приехал к Сергею на улицу Ветошкина. Он встретил меня в прихожей: собрался идти в город. Поздоровались.

- Проходи. Ты как раз вовремя. Пришел бы чуть позже и не застал меня. Сейчас чай пить будем. Как там в деревне жилось?»

- В деревне хорошо. Правда, шли дожди и грязи по колени, - ответил я и спросил: «Может, тебе нужно идти?»

- Нет. Надоело одному дома сидеть. Не пишется. («Настроив душу на добро...», стр. 7).

Да, бывают у поэтов временами депрессии и тогда садиться за письменный стол бессмысленно. Единственный, спасительный выход — общение с друзьями, а еще лучше — поехать в тихий деревенский уголок. Слушать утром кукареканье, перезвон ведер у колодца с журавлем. Смотреть в прорезь сеновала на не истаявшую луну, на высокий тополь в конце огорода. Словом, настраивать душу на добро...

Родная земля добра и живительна.

* * *

Вологда в жизни Василия Мишенева занимает особое место.

Она связала воедино с пединститутом, с новыми друзьями. Творческая атмосфера благоприятствовала музе Василия Мишенева. Неслучайно Вологде посвящены строки:

*Над ночью Вологдой
Кружит легкий снег.
Я бреду по городу,
Дальний человек.*

*То, что было прожито,
Вспомнить все нельзя...
В тихой, милой Вологде
Спят мои друзья.*

*Кто-то в центре города,
Кто-то за мостом...
Кто-то в доме ласковом,
Кто-то под крестом!*

*Я иду к кому из них?
Где найду ночлег?
Все следы на улице
Заметает снег....*

III. ПЕРВЫЙ СБОРНИК

Первый поэтический сборник, как и первая любовь, никогда не забывается. Пусть некоторые стихи его еще не отточены. Не отлились в самородное золото. Ведь и подснежник не сразу раскрывается. На все нужно время...

До первой книги еще оставалось время, хотя и накопилось достаточно стихотворений. Василий Мишенев время от времени давал подборки в районную газету «Авангард» и в областную — «Красный Север».

Страна переживала очередной сложный период, закончившийся распадом Советского Союза, а как результат - появление «горячих точек» на Кавказе, всплеск коррупции, разгул бандитских шпак, небывалый упадок в сельском хозяйстве, в промышленности, недостаточное финансирование Вооруженных Сил.

Никому не было дела до российских литераторов. Я имею ввиду настоящих, а не тех, кто писал по заказу бульварные романы и повести, где почти в каждом абзаце нехорошие слова. Настоящие русские писатели вынуждены были писать «в стол», надеясь на лучшие времена.

Василий Мишенев отслужил в армии, успел поработать в районной газете. Вначале корреспондентом, а потом заведующим отделом писем,

Газетная работа, если ей отдаваться всецело, почти всегда лишает возможности заниматься чисто литературным творчеством. Встал вопрос: или — или? После долгих раздумий подал редактору заявление об уходе. Хорошо, что в ту пору была у Василия Мишенева все понимающая супруга Антонина Егоровна. Кстати, у многих литераторов встречались жены с таким именем. У Сергея Чухина — Антонина Дмитриевна, у прозаика Валентина Пикуля — Антонина Ильинична. Может, это вовсе не случайность, а предопределение? По тому, что быть женой писателя или поэта вовсе не мед, а суровое испытание.

В солнечный яркий день я постучался в квартиру Мишенева. Повод для визита был неординарным. Некоторое время наша районная газета печаталась в Кич-Городке. Это около шестидесяти верст от Никольска. Согласно графику вместе с корректором Лидией Владимировной Фофановой я отправился с готовыми макетами и корреспонденцией к соседям готовить очередной номер. Коллектив редакции в Кич-Городке был устоявшийся, сработавшийся, компетентный. И журналисты, и полиграфисты относились к нам, попавшим в беду, с искренним сочувствием (у нас случился пожар, и здание почти заново перестраивалось).

В Кич-Городке мне на глаза попала книга, довольно объемистая, но в тонком переплете. Название книги подзабылось. Помню лишь автора: Анатолий Ехалов. Заинтересованный, решил обратиться за справками к заведующему типографией — молодому, энергичному Сергею Аркадьевичу Подъякову.

- Да, мы действительно получили рукопись Анатолия Ехалова. Набрали и сейчас печатаем его книгу. Делать книгу коллективу типографии приходится в первый раз. Опыта никакого нет, мне думается, что будут погрешности, - сказал Сергей Аркадьевич.

- В смысле полиграфического исполнения?

- Да.

- Главное — корректура, чтобы не было ошибок и искажений, - сказал я.

Мы разговорились. Сергей Аркадьевич сообщил, что сейчас районной типографии разрешено издавать книги. Я был потрясен такой новостью. И вот по приезде из Кич-Городка пошел к Василию Мишеневу,

который, как я знал, мечтал напечатать первый поэтический сборник. Теперь он стоит у меня на книжной полке в ряду других сборников, почти миниатюрный, в тридцать страниц. Рисунок на обложке сделал сам автор. Он символизирует неброскую северную природу: низко летящие журавли над лесом, стог сена на луговине, река, рыбацья лодка и дальний лес на горизонте. И стихи соответствуют духу символики.

*В небе птицы кричат
И зовут за собою кого-то...
Вот и осень моя наконец-то пришла!
Я поеду домой
И за клюквой пойду на болото,
Далеко-далеко от родного села!*

Первый сборник Василия Мишенева издан на средства спонсоров: Анатолия Ивановича Бороздина и Василия Федоровича Ласкина.

Мне припоминается августовское совещание учителей района, проходившее в Кожаевском Доме культуры в год выхода сборника. В перерыве между совещаниями развернула торговлю учебной и художественной литературой заведующая книжным магазином Анна Васильевна Рыжкова. На видном месте лежала стопка сборников Василия Мишенева. Ее тут же раскупили. Тех, кому книжек не досталось, Анна Васильевна приглашала в магазин.

Слух о появлении первого поэтического сборника Василия Мишенева достиг Вологды и вызвал неподдельный интерес. Сразу же в областной газете «Красный Север» 11 сентября 1993 года появилась небольшая статья старейшего русского поэта Ю.М. Леднева «Имя ей — «Лирика».

«Она впорхнула в мой дом в обычном почтовом конверте. Так мала была книжка, что убралась туда еще с небольшим запасом. И все-таки это была книжка. А главное — давно ожидаемая. Ожидаемая лет этак двадцать».

Далее Юрий Макарович пишет: «Чуткое сердце не может не заметить истинной поэзии, которой веет со страниц «Лирики». Автор ее находит удивительно точные слова при сохранении образов. Вот он описывает материнский дом, зимний вечер:

*Взгляну в окошко — вокруг белеет,
Я нынче грустью не заболею!
В избе у мамы тепло от печки,
В углу — икона, псалтырь и свечи...
...И рада мама — глаза спокойны,
Как у святого с ее иконы.»*

IV. ПИСЬМО ВИКТОРА АСТАФЬЕВА

Для неискушенного читателя имя Виктора Петровича Астафьева мало что говорит. Особенно для современного, предпочитающего сногшибательные приключенские романы и повести, где главные персонажи «джентльмены удачи», а в переводе на русский язык — отъявленные бандиты. Увы, таковы реалии сегодняшней действительности. Так вот, для сведения читателя, я отношу Виктора Петровича к классикам великой русской литературы. Что же такого написал он, что заставило заговорить не только отечественных, но и зарубежных критиков, а издателей печатать его книги сотнями тысяч экземпляров?

Виктор Петрович многое испытал. Рано лишился матери и потому всю нерастрченную сыновью любовь перенес на бабушку, а она отвечала тем же. Была Игарка, нескладная жизнь с отцом, сложные отношения с мачехой. Когда началась Великая Отечественная война, молоденьким пареньком окунулся в самое горнило этой страшной войны. Демобилизовавшись, увлекся газетной работой, а потом литературой, которую не оставлял до самой кончины. Его самые известные произведения: «Ясным ли днем», «Последний поклон», «Пастух и пастушка», «Где-то гремит война», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты», «Пролетный гусь».

По приглашению Вологодской писательской организации Виктор Петрович поселяется в Вологде, где прожил около одиннадцати лет. Он несколько раз приезжал в Никольск и, если не ошибаюсь, впервые побывал в нем с группой вологодских литераторов в августе 1969 года. Земля Никольская, ее люди показались Виктору Петровичу чем-то сродни его сибирякам, и он выразил желание поближе познакомиться

с никольчанами. Выбор пал на деревню Оботурово, расположенную вблизи города. Здесь, в простой деревенской избе, вдвоем с супругой Виктор Петрович провел больше месяца.

След от пребывания в Никольских краях нашел впоследствии отражение в книге писателя «Падение листа». В разделе «Видения» есть рассказ «Звезды и елочки». Он начинается так: «В Никольском районе, на родине покойного поэта Яшина, я впервые увидел звездочки, прибитые к торцам углов сельских изб, и решил, что это пионеры-тимуровцы в честь какого-то праздника украсили деревню».

Пути Василия Мишенева и Виктора Астафьева должны были неизбежно пересечься. Вот как об этом вспоминает Василий Михайлович: «Я уже учился на втором курсе Вологодского педагогического института. От суматошной студенческой жизни хотелось уединиться. В Вологде есть тихие, спокойные уголки. Это парки, где ранней осенью начинают желтеть березы и клены, где дышится легко, и на сердце ложится нежная грусть. И приходит Муза, и ложатся на бумагу первые строчки...

*Осенние листья. Как грустно
Шумят на прощанье они,
И в сердце рождается чувство,
Что это — последние дни.
Смотрю на летящие листья,
Как будто уже не дожить
До вешнего птичьего свиста,
До летнего солнца во ржи.*

Так вот на втором курсе у меня в заветной тетради поднакопилось большое количество новых стихотворений. Меня пригласили на творческий семинар. На нем присутствовали Василий Белов и Василий Оботуров и ряд других известных литераторов. Был там и Виктор Астафьев, который вел обсуждение рукописей молодых прозаиков. Затем я встречался с ним в Театре юного зрителя (ТЮЗе) на премьере его пьесы, написанной по мотивам повести «Звездопад». Познакомил меня с Астафьевым Сергей Чухин перед началом творческого вечера в Вологде».

В 1981 году Виктор Петрович вернулся на родину, в Сибирь. Он поселился в родной деревне Овсянка, что приотилась с незапамятных времен на берегу величественного в своей мощи Енисея.

Василий Мишенев послал Виктору Астафьеву сборники своих стихов. Несмотря на огромную работу, постоянную загруженность, великий писатель отвечал молодому литератору.

В двухтысячном году в Вологде у Василия Мишенева вышел поэтический сборник «Опавшие яблоки». За этот сборник поэту была присуждена литературная премия «Филантроп», которую в Бетховенском зале Большого театра вручал народный артист СССР Юрий Соломин, который первым и поздравил Василия Мишенева телеграммой в Никольск.

«Опавшие яблоки» Василий Михайлович отправил в Сибирь Виктору Петровичу Астафьеву. 23 февраля 2001 года в московском еженедельнике «Литературная Россия» появилось открытое письмо Виктора Астафьева Василию Мишеневу «Землей болеющий всерьез». Нет смысла приводить его полностью, поскольку оно публиковалось в областной и районной печати, а также вместо послесловия в сборнике «Польны на реке» (2003 г.). Приведу лишь некоторые фрагменты.

«Дорогой Василий! Сейчас пишется море стихов. Уж такой норов или струна нашей родной России. Чем ей хуже, тем больше она звенит, поет, когда и воет. Порой ругается или злобствует...», - обращается к Василию Мишеневу классик.

В этих строках сквозит горькая правда. Россия переживала в очередной раз великие потрясения, от которых еще не выправилась и сейчас. Брошенные деревни, словно перед набегом степных половцев. Зброшенные пашни, порастающие кустами и сорной травой. Было отчего растеряться простым людям. Иные брались за бутылку, в надежде на краткий миг уйти от жуткой действительности, другие — за перо, разоблачать власть нехитрым, но крепким слогом...

Виктор Петрович сообщает: «Стол мой, человека, живущего «во глубине сибирских руд», почти на краю земли российской, кренится на бок от перегрузки разномастными, неряшливо изданными книжками, общими тетрадами, толстыми письмами, заполненными так называемой

«поэзей». Так мой папа называл поэзию, добавляя к этому синониму крепкое слово. Я, листая эту сочинительскую требуху, также часто прибегаю к некультурным выражениям. Допекли! Дастали! Душу вывернули, как старую стежоную рукавицу...»

Прав классик. Ох, как прав! В большинстве своем авторы, пробующие свои силы в стихотворчестве, абсолютно незнакомы с правилами русского языка. Это, к сожалению, идет еще со школы. Большинству авторов неведомы стихотворные размеры, «тайны ремесла». Они не читали Баратынского, Апухтина, Алексея Толстого, Фета, Полонского, Тютчева... Не упивались восторгом, читая Цветаеву, Ахматову, Лохвицкую... Все богатство русской поэзии прошло мимо них. Но, к счастью, бывают и исключения. Из сотни, тысячи пишущих вдруг неожиданно откроется золотинка.

Поэтов рождает время, чтобы выразить свою сущность, донести через него человеку свою боль, тревогу и надежду. К таким поэтам относится и Василий Мишенев.

«Попала в руки мне присланная тобой книжка «Опавшие яблоки», нежно и трогательно оформленная вологодским художником, изданная со скромным достоинством, которое и надлежит иметь уважающему себя городу и его мастеровитым печатникам. Хорошо, что стихи не кучей, не в подбор расположены, и чего уж там экономить на бедном, сиротски, в глуши бытующем поэте. Книжка хорошо смотрится, в книжке легко дышится. Прочитав предисловие Вячеслава Белкова, я внимательно мог вчитаться в твои стихи. И какой же полузабытой, очистительной российской печалью, каким пронизывающим, нет скорее ласкающим душу звуком повеяло от твоих складных стихов, каким родством, какой есенинско-кольцовско-никитинско-фетовской, живительной радостью дохнуло на меня», - восхищается Виктор Петрович в своем отзыве.

С удовольствием отмечает, что «хочется цитировать твои стихи, повторять, выпевать отдельные строки, задержать на них внимание читателей наших, торопливых словесной белибердой и жизнью замороченных».

Я процитировал лишь немногие фрагменты из письма классика, но и по ним можно судить, какую высокую оценку поставил творчеству Василия Мишенева Виктор Астафьев.

Заканчивает свое письмо он такими словами: «Хотел свое письмо вложить в новую свою книгу и послать ее тебе в Никольск, но книга выйдет не ранее весны, так пусть приветствие мое придет к тебе через газету и поддержит тебя в эти долгие зимние дни и вечера, пособит скорее дожидаться весны и всколыхнет в сердце звонкие струны, зародит звуки светлых песен».

Письмо это писалось в красноярской больнице, где писателю пришлось провести на лечении долгое время. А книга Виктора Петровича с дарственной надписью на титульном листе пришла Василию Мишеневу уже в теплые летние дни. Книга называется «Пролетный гусь». Она была последней работой выдающегося мастера слова.

V. ПРОЗА ВАСИЛИЯ МИШЕНЕВА

Можно привести множество случаев, когда поэты оставляют Музу и увлекаются прозой. Александр Сергеевич Пушкин нам известен не только как автор бессмертного романа в стихах «Евгений Онегин», но и как автор «Повестей Белкина». Его труду принадлежат повести «Капитанская дочка», «Дубровский». М.Ю. Лермонтов нам известен образом Печорина - непреложная тема школьных сочинений.

Наши современники и поэты, бывало, тоже брались за прозу. Борису Пастернаку за роман «Доктор Живаго» присудили Нобелевскую премию. Не составляли исключения и вологжане. Сергей Викулов публиковал в журнале «Наш современник» публицистические очерки, Виктор Коротаев издал книгу о Николае Рубцове. Василия Мишенева знают как поэта. Однако и его порою тянет к прозе. Первая публикация, кстати, как раз относится к этому жанру. Это — рассказ «Одноухий», напечатанный в районной газете «Авангард» еще в школьные годы. Время от времени появлялись в печати подборки миниатюр, впоследствии составившие своеобразный гимн природе, а потом вошедшие в книгу «Очарование тишины». Она была напечатана в Никольске в 2003

году. Ее содержание составляют лирическая повесть, рассказы, этюды и зарисовки.

Книга прекрасно оформлена художником-графиком Алексеем Башкировым. Василий Мишенев познакомился с ним в Вологде. Они жили в одном студенческом общежитии и подружились. Алексей Башкиров родом из Бабаева и также, как Василий, самозабвенно относился к неброской северной природе, из неиссякаемого кладезя ее черпая творческие силы. Сейчас он зрелый мастер, широко известный в среде художников и писателей.

Я долго раздумывал, чем же привлекает к себе проза поэтов разных поколений? И после некоторых сомнений решил, что проза дает простор для размышлений, не ограничивает автора определенными рамками, как в стихотворении. В этом преимущество прозы.

Открывается книга «Повестью о первой любви». Ее предваряют строки Николая Рубцова:

*И все ж хочу я, странный человек,
Сберечь, как есть, любви своей усталость,
Взглянуть на все, что там еще осталось,
И распрощаться... может быть, навек.*

Эти поэтические строки и являются ключом к замыслу и откровению повести.

...Он и Она. Здесь, в пустыющей год от года северной деревне, неожиданно пересеклись их пути.

Старые липы невдалеке от проселка. Первые звезды в разрывах облаков. Предостерегающий крик дергача на туманном лугу. Засыпают старые избы, и лишь на улице возле дома киномеханика (клуб разобрали) в разных местах и позах пристроились взрослые и ребяташки. Смотрят кино. В тот вечер досмотреть фильм не удалось: «Поднялся и окреп ветер, небо быстро затянуло тучами, пошел дождь. Спасаясь от него, люди набились в дом «кинщика», плотно жались под крышей маленького, открытого с трех сторон крылечка. И тут я увидел ее. Несмелая и чужая, она растерянно стояла на нижней ступеньке крыльца, и крупные капли дождя падали на ее угловатое плечо в розовой кофточке. Едва повернувшись в тесноте, я с трудом снял свой пиджак и набросил ей на плечи...»

Он проводил ее до дома, где она гостила у бабушки. Так начались их встречи, прерываемые поездками на учебу и работой в студенческих стройотрядах.

«Получив распределение после окончания института, я почти полтора месяца жил в деревне. Она тоже обещала приехать, но ее не было. Томительное ожидание измучило меня...»

И вот долгожданный ее приезд. Казалось бы, впереди светлая радость. Прогулки к старым липам, где когда-то в иные, ушедшие времена объяснялись в любви деревенские парни, возвращаясь с действительной службы.

Но произошло иное, вовсе непредсказуемое. Здесь, в деревне, на крылечке у бабушки Она сказала: «Ты знаешь, я все думаю, что нам надо что-то решать. Мне осталось учиться один год». Когда Она упомянула: «Один парень, который учится со мной, говорит, что любит меня...», Он не сдержался. Ревность привела к разрыву. Еще можно было бы все уладить, но обида держала сердце.

Молодость! Юность! Годы, которые не воротишь. Они бывают доступны нам лишь в воспоминаниях. «Повесть о первой любви» и есть погружение в прошлое. Сюжет ее «не закручен», как это делается нынче сплошь и рядом. Он выстроен на взаимоотношениях юноши и девушки, почувствовавших робкое влечение друг к другу. Такое чувство сравнимо с подснежником, сбросившим зимнее одеяние и потянувшимся к яркому весеннему свету. Каждый лучик его неповторим и наполнен ожиданием чуда.

Язык повести свеж. Его истоки идут из глубины народной, а язык народный всегда был и будет мудрым. И что радует — повесть нашла своих читателей. Отзывы о ней даже пишут в стихах. Вот, к примеру, письмо Юлии Цветковой из Йошкар-Олы, присланное Василию Мишленеву. Называется стихотворение «Разлука», а под заголовком стоит: «К «Повести о первой любви».

Облетает листва, не спешу я навстречу.

Ты ушла навсегда, позабыв обо всем.

Только я все грущу, помню губы и плечи,

Ничего не забыл, помню все, помню все.

Память, словно змея, множит давние муки

*И опять ворошит в растревоженном сне.
Угасающий день, горечь нашей разлуки
И прощальный твой взгляд, полоснувший по мне.
Пусто, зябко в саду, а за окнами тени,
Словно призраки бродят в ночной тишине.
Ничего не вернуть, только ветер осенний
Все поет, ударяя по тонкой струне.
Как томительна ночь! На душе нет покоя.
Чашу горькую выпью до самого дна.
Что ее потерял, не виню никого я,
Не сказал ей тех слов, что ждала так она...*

Вслед за «Повестью о первой любви» идет цикл рассказов. Они бесхитростны и взяты из самой жизни. Герои — простые деревенские люди, близкие писателю по духовному родству. Люди, немало потрудившиеся на своем веку, в большинстве своем преклонного возраста. Несмотря на одиночество, не желающие перебираться в город к своим сыновьям и дочерям. Таков старик Семирук из рассказа «Росла верба», прозванный так за умение делать любую работу на совесть. У него уже как семь лет назад умерла жена Мария. В апрельскую ночь приснился Семируку странный и страшный сон, от которого он испугался не на шутку. Даже подумалось ему, уж не угодил ли на тот свет? К действительности вернула верба, которая нудно царапала веткой по оконному стеклу. Это назойливое царапанье раздражало Семирука, и он решил утром срубить вербу, но потом раздумал.

Бессонная ночь, когда не с кем перемолвиться словом, натолкнула его на мысль привести в дом старушку. Выбор оказался невелик, и он остановился на Катерине.

В рассказе органично присутствуют сосед Витька, в недавнем колхозный механизатор, единственный в деревне владелец трактора, занимающийся по весне вспашкой огородов; бабуся Алевтина, ссужающая не бескорыстно бутылкой желающих опохмелиться.

Семирук, придя к Катерине и попив чайку с вареньем, так и не решился покончить со своим холостяцким состоянием. Ничего не сказал Катерине о своем намерении.

И опять минул день, и опять пришла ночь. И вновь Семируку приснился страшный сон, и вновь скребла по стеклу верба...

Заканчивается рассказ так: «В окно задумчиво смотрела луна. Семирук поднялся с кровати, добыл огонь, надел фуфайку и валенки с галошами. Охая, достал из-под скамьи топор и пошел на улицу срубить вербу...»

Прозу Василия Мишенева нельзя читать бегло. Каждая строка, каждый абзац несут определенную смысловую нагрузку, определяя суть. И вырисовывается образ угасающей деревни... Этот процесс уже невозможно повернуть вспять.

Щемящее чувство тревоги, порою проступающей затаенно, вызывают рассказы «Журавли улетели», «Один день Куечихи». Вообще говоря, рассказы Василия Мишенева мне иногда напоминают прозу Евгения Носова.

Заканчивается книга «Очарование тишины» этюдами и зарисовками, о которых тоже хотя бы вкратце надо упомянуть. Это направление не ново в русской литературе. Миниатюрам отдали дань многие. В том числе никем не превзойденный в этом жанре Михаил Пришвин, а также костромич Василий Бочарников, вологжанин Сергей Багров.

Вот и первая миниатюра, давшая название книге: «Тишина густела прозрачная, ненавязчивая. Она не давила, не звенела в ушах, а словно легким туманом окутывала душу, проникая в ее потаенные уголки и принося покой.» И неожиданный переход: «В воздухе пахло влажной опавшей листвой и скорым снегом». Такой переход был просто необходим, поскольку миниатюра подчас строится на сопоставлении, заставляя по-новому взглянуть на самые обыденные вещи. Жаль, что миниатюр в книге немного. Каждая из них звучит как гимн природе. Они навеяны родными местами писателя и речкой Чоновой, Гладким бором, где не раз бродил с корзиной в руке Василий Мишенев. Они навеяны укромными уголками петляющей реки Юг, что течет в трех километрах от Березова.

Заканчивая нашу очередную встречу, я спросил Василия Мишенева о дальнейших творческих планах.

- Сейчас работаю, вернее, перерабатываю новую повесть с рабочим названием «Полдень». Если говорить коротко, эта повесть о сложной жизни моего поколения, о месте человека в обществе.

Остается пожелать поэту и писателю удачи! Сборник прозы «Очарование тишины» говорит о том, что колодец вдохновения далеко не исчерпан. Поднято к солнцу лишь первое ведро родниковой воды.

VI. СВЕТ РОДИМЫХ БЕРЕЗ

«Всю деревеньку украсила березка белая», - пели одетые по-старинному девушки, со всей округи собравшиеся в Березове. Отмечался традиционный деревенский праздник с густым хлебным пивом, с пирогами. Была молодежь из Пермаса, Пахомова, Ширей и даже из отдаленных Липова и Блуднова.

Под вековухами-липами на принесенной кем-то скамейке сидел гармонист в расшитой рубахе, подпоясанный кушаком. Фуражка с лакированным козырьком лихо сдвинута на бок, подпирая непокорные волосы.

Веселые переборы тульской гармонии уходили за липы, в вечеряющие поля. Робко высыпали первые звездочки, а праздник не кончался, наоборот — набирал силу. Даже ребятишки не ложились спать, путаясь под ногами у взрослых, прислушиваясь и схватывая на лету бойкие частушки, чтобы потом, когда придет время, и самим выйти на круг и вот так же петь и плясать...

Жизнь, однако, преподнесла иное и не по вине поколений, сменявших друг друга. Прекратил ныне существование некогда крепкий колхоз «Родина», которым руководил много лет своеобразный и толковый мужик, бывший фронтовик В.Н. Берсенов.

Давно закрыта в деревне начальная школа, поскольку нет детей и появления их не предвидится по той простой и жуткой причине, что некому рожать. Великое разорение пришло в русскую деревню...

Неизбывная грусть накрывает сейчас человека, родившегося в этих местах, где каждая тропинка исхожена босыми ногами, где по ночам ярко светит луна, прокрадываясь на сеновал, наполненный до самых стропил душистым сеголетним сеном. Грустно щемит сердце

оттого, что избы смотрят на тебя слепыми, заколоченными окнами, и их становится все больше. Не пройдет росным утром по улице бригадир, постукивая костяшками пальцев в запотевшие окна. Не подаст рокочущий голос трактор около мастерских, нет и самих чумазых и веселых механизаторов.

*Мне такая вновь выпала доля —
В захолустье родной стороны
Намолчатся средь тихого поля
До звучания каждой струны!*

*Надышаться березовой грустью,
Одиночеством переболеть,
Нагордиться священной Русью,
За которую б мог умереть!*

*Где ж детей перекрестные крики?
Одинокий в надежде своей,
На Руси, деревенской, великой
Я хочу докричатся людей!*

*Нынче ветру тут вольная воля
И летит он на крыльях весны...
Сыновья овдовевшего поля,
Вы с какой не вернулись войны?*

*И какие же ливни косые
Распугали веселых детей?
Я стою посредине России
И молитву творю за людей!*

«Я хочу докричатся людей», за которых творит молитву поэт. За людей, которых знал и любил он. За тех, которые учили его держать в руках косу, держать умело в руках топор, чтобы подогнуть половицы в избе, срубить баню или двор. За сельчан, с которыми учился в школе, и которые теперь живут в далеких городах и весях.

Вообще говоря, поэзия Василия Мишенева — не только дань любви родной природе, не только любовная лирика, а нечто большее. Один из лучших поэтов-современников, вологжанин Александр Романов справедливо отмечал: «Это исповедь и молитва глубоко страдающего русского человека». Его не в коей мере, на мой взгляд, нельзя сравнивать с Николаем Рубцовым, хотя некоторые критики стремятся сие сделать. Может быть, даже из недобрых побуждений. Знаю, что такие попытки были. Однако, прав Александр Романов, который отмечал: «И если (в поэзии) в ней услышится вдруг отзвук рубцовской Музы, то это не подражание, а совпадение двух творческих болей. И, как знать, может, вот именно такая задушевность самовыражения и является ныне самой сокровенной правдой и сутью русской поэзии».

За последние десятилетия талант Василия Мишенева значительно окреп, раскрылся в полной мере диапазон его голоса. Это тонко подметил поэт из Санкт-Петербурга Николай Кутов: «Радуется разнообразие ритмов, сюжетов, новых образов, мыслей и чувств, поэтических откровений и пророчеств в стихах Мишенева. Они свидетельствуют о том, что в литературу пришел яркий профессиональный художник слова, такие появляются, увы, не часто, ведь в литературе нельзя выучиться на поэта, не поможет любая мастеровитость, если у автора нет поэтического дара».

Тайна творчества у каждого своя, даже себе невидимая. Она живет и таится в душе, и в нужный момент дает знать. Долгожданный миг приходит тогда, когда чувства накалены и достигают предела, и их уже невозможно застопорить.

Лишь на малой родине, и нигде больше, происходит чудо перевоплощения и ложатся в заветную тетрадь строки:

*И вновь раскрепощается душа,
И грозный мир не помнится жестоким,
Когда под небом родины высоким
Идешь своей дорогой не спеша...*

*Мне эти километры так легки,
И дождь воспринимаю как удачу,*

*Дождинки на щеках моих — не плачу! —
Ведь в сердце поровну веселья и тоски.*

*Зачем так долго жил я в суете?
В полночный час, один среди разлуки,
Искал напрасно радостные звуки
И песни пел, но только все не те!*

*Пусть след мой быстро скрадывает дождь!
Пусть новый день природой грустно начат!
Но это ничего совсем не значит,
Когда домой на родину идешь...*

Дорога к дому... И в дождь, и в летний погожий день, и осенью, и зимой, она всегда зовет с собой, поскольку сулит долгожданную встречу с местами, где провел детство и отрочество. У Василия Мишенева немало таких мест, которые с каждым годом становятся дороже. Уж сколько раз он бывал на речке Чонове и в Гладком бору, и в березовых рощах, и на реке Юг, а вот все тянет и тянет к ним!

В Березове по-прежнему живет отец, Михаил Андреевич, живут братья Вячеслав и Олег, а недавно присоединился к ним старший брат Николай. Он полковник, вышел в отставку и купил себе дом в родной деревне. Каждое лето к нему приезжают внуки из Москвы. Николай с удовольствием вместе с женой работает на огороде, охотится и рыбачит, и по-своему счастлив после пережитого в горячих точках на военной службе.

Навсегда прикипел сердцем к Березову, Николай Васильевич Баданин, человек интересный и думающий о своей малой родине. Он друг детства Василия Мишенева. Вместе с ним ходил в одну школу, был его спутником по окрестным лесам и долам. После службы в армии работал в лесопункте, получив немало профессий, пригодившихся в жизни. Когда леспромхоз перестал существовать, занялся своим бизнесом. Его предприятие заготавливает и перерабатывает лес. Обретя солидный капитал, Николай Васильевич решил возродить бывший колхоз «Родина». Проблем много, и эти проблемы близки Василию Мишеневу,

плоть от плоти крестьянскому сыну. Ему, как и другу детства, хочется увидеть колосающую в полях рожь, звук пастушьего рожка, созывающего стадо на выпас, гомон косарей, собирающихся на пойменный луг...

... Течет обстоятельная беседа с другом. Смотрят на них вековухи-липы, дружески покачивая вновь зеленеющими ветвями. Неподалеку за деревней, спрятавшись в ольшанике, поет певчий дрозд. В природе вновь свершилось обновление. И пришла пора надежд и свершений.

Уже в сумерках Василий возвращается в свою избушку, стоящую среди черемух и рябин, укрытую зацветающими яблонями. Сердце, как от первой любви, начинает неровно стучать. И рождаются чудесные и грустные строки:

*Есть у природы срок чудесный...
Ты счастлив выпавшей судьбой,
Когда струится свет небесный
Перед тобой и над тобой.*

*И теплый воздух невесомый
Уже готов остекленеть,
Чтоб в тихий час ни насекомым,
Ни самолету не взлететь.*

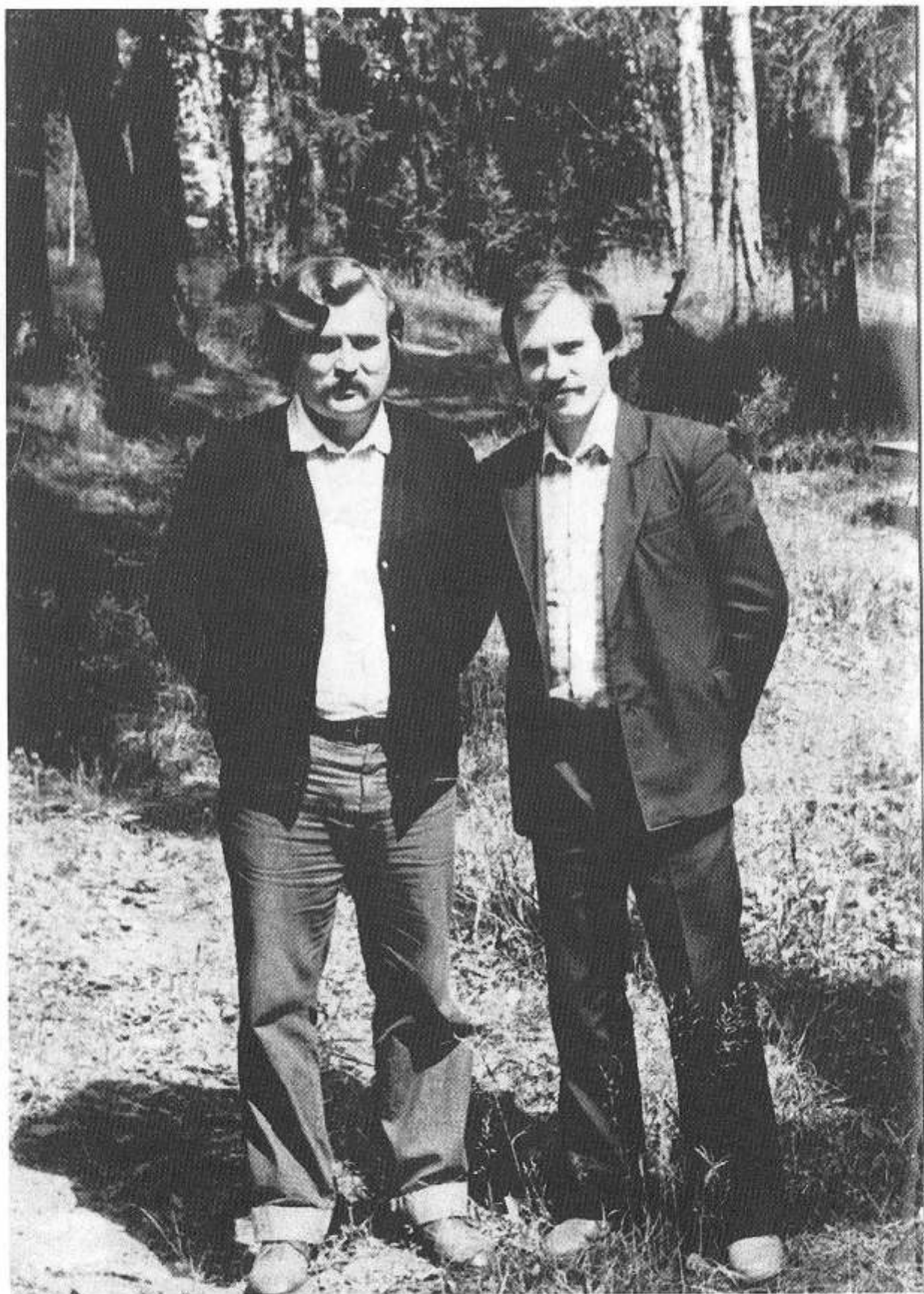
*Один лишь звук побеспокоит:
Переступая, отрясут
В загоне дремлющие кони
С копыт холодную росу.*

*И вновь душою осторожной,
Еще блуждающей в дыму,
Понять все чувства невозможно:
Так много счастья одному...*

К сказанному ничего не прибавить и не убавить, ибо строки рождены светом родимых берез...

Служба в Военно-Воздушных Силах
г. Пушкин, 1982 год

С поэтом Николаем Фокиным
г. Никольск, 1988 год

В редакции районной газеты "Авангард"
80-е годы

У Большого театра после вручения Международной
премии "Филантроп". г. Москва, 15 мая 2002 года.

Редактор журнала "Вологодский Лад" А.К. Сальников,
В.М. Мишенев, главный редактор областной газеты
"Красный Север" А.В. Торопов. г. Вологда. 2007 год

Губернатор В.Е. Позгалев в д. Березово
30 августа 2007 года

Валерий Иванович Федоров, генерал-полковник милиции, бывший первый заместитель министра МВД России, представитель Вологодской области в Совете Федерации в гостях у В.Мишенева. Июль. 2009 год

**С вологодским писателем Виктором Плотниковым у самовара
г. Никольск. 2009 год**

Фото на обложке
Вячеслава Игумнова.

Сверстано и отпечатано
в АНО «Редакция газеты «Авангард»,
161440 г. Никольск, ул. Коммунистическая, 4.
ИНН 3514007313, № заказа 62, год выполнения - 2011.
Тираж 100